

Из истории краеведения 1920–1930-х годов (по письмам Д.О. Святского)

В данной работе использованы письма ученого секретаря Центрального бюро краеведения (ЦБК) Даниила Осиповича Святского к костромскому краеведу Василию Ивановичу Смирнову за период 1924–1940 гг., хранящиеся в ОПИ ГИМ¹.

Организация краеведческой работы в 1920–1930-х гг. подробно исследована в работах В.Ф. Козлова, А.Г. Смирновой и некоторых других исследователей, использовавших такие издания как «Дневник Всероссийской Конференции Научных Обществ по изучению местного края (М., 1921), журналы «Краеведение», «Известия ЦБК», «Советское краеведение»². Однако, частная переписка друзей-краеведов, на наш взгляд, может придать новые краски в представление об этом периоде.

Биографические сведения об авторе писем, и о его трудах приведены в работах брянского краеведа М.В. Сеницыной³. Но при этом основное внимание уделено ею Д.О. Святскому, как ученому, занимавшемуся историей астрономии, климатологией, фенологией, а также как члену Русского общества любителей мироведения (РОЛМ) и редактору журнала «Мироведение». Его деятельность как одного из организаторов краеведческой работы освещена гораздо меньше. Подробные сведения о его адресате – краеведе, этнографе и археологе, председателе Костромского

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 547.Ед. хр.158, 159, 160.

² *Соболев В.С.* Академия Наук и краеведческое движение // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 6. С. 535–541; *Козлов В.Ф.* Первая всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края (1921) и ее роль в организации краеведческого движения // Пятые всероссийские краеведческие чтения. Москва – Владимир, 27–28 мая 2011 г. М., 2012. С. 10–19; *он же.* Центральное бюро краеведения (ЦБК) как руководящий орган краеведческого движения в 1920-е гг. // Шестые всероссийские краеведческие чтения. Москва – Можайск, 1–2 июня 2012 г. М., 2013. С. 16–30; *он же.* «Огосударственное» краеведение. История и уроки. (По страницам журнала «Советское краеведение» 1930–1936 гг.) // Вестник РГГУ. М., 2013, № 9. С. 53–83; *Смирнова А.Г.* Материалы по истории краеведения на страницах журналов (ЦБК) в 1920-е гг. // Седьмые всероссийские краеведческие чтения. Москва – Омск, 13–17 мая 2013 г. М., 2013. С. 20–31.

³ *Сеницына М.В.* Жизнь и деятельность Д.О. Святского // Русский сборник. Брянск, 2009. Вып. 5; *она же.* История русской астрономической науки в работах Д.О. Святского // Вестник Брянского государственного университета. 2011. Вып. 2.

научного общества В.И. Смирнове содержатся в книге, составленной Т.В. Смирновой⁴.

Д.О. Святский и В.И. Смирнов были ровесниками, оба происходили из семей провинциального духовенства, получили образование в духовных учебных заведениях. И оба всецело были увлечены наукой. И тот, и другой были арестованы в 1930 г. В дальнейшем оба они пытались не оставить полностью своих научных занятий, насколько это было возможно в тех условиях.

Этих людей связывала тесная дружба. В письмах весьма подробно обсуждаются не только вопросы краеведческого движения, но и личные проблемы. Так, автора писем очень беспокоит болезненное состояние адресата, и он всячески старается помочь ему поехать в Крым, в санаторий. А в 1930-е гг., когда В.И. Смирнов находится в Архангельске, а Д.О. Святский – в Алма-Ате, они обмениваются не только письмами, но и посылками – с севера идут посылки с клюквой и копченой рыбой, а с юга Мария Федоровна, жена Д.О. Святского, посылает маленькой дочке В.И. Смирнова сшитое для нее платье.

Д.О. Святский иногда оговаривается, что в письмах всего не напишешь, намереваясь, очевидно, обсудить некоторые вопросы при встрече. А встречи до его ареста были не редки – в Москве, в Ленинграде, в Костроме, в Переславле-Залесском, и в других городах. Тем не менее, по письмам все же можно судить, какая шла борьба в руководстве краеведческим движением. Мы видим, что она началась задолго до окончательной победы так называемого «советского краеведения». Существовало несколько организаций и учреждений, желавших захватить и присоединить к себе краеведческую сеть. 26 февраля 1924 г. Д.О. Святский пишет о том, что на Московской конференции «был сплошной госплановский восторг и прямое желание взять в полон краеведение со всеми его потрохами». В письмах 4 и 8

---

⁴ [Китицына Л.С.]. Материалы к биографии В.И. Смирнова (1882–1941) // *В.И. Смирнов. Народ в тюрьме (1930–1931). Материалы к биографии В.И. Смирнова (1881–1941).* Сергиев Посад, 2011.

января 1925 г. он делится с адресатом слухами о переводе ЦБК в Москву и об отделении его от Академии Наук и присоединении к Главнауке. Вскоре такое же желание появилось и у Тимирязевского Института. Д.О. Святский пишет: «Тимирязевцы определенно ведут поход за перевод ЦБК в Москву и присоединение к их Институту» (письмо 2 мая 1926 г.). Это означало бы отстранение краеведения от академиков, что, по словам Д.О. Святского, было крайне негативно воспринято академиками Николаем Яковлевичем Марром и Сергеем Федоровичем Ольденбургом⁵.

Существовала еще группа московских «музейных деятелей». Краевед Николай Алексеевич Дорогутин вел себя «как диктатор в музейной политике», «ругал ЦБК на чем свет стоит» и «вооружал рязанских краеведов против ЦБК» (письмо 12 ноября 1926)⁶.

Противоречия возникали и при распределении среди местных краеведческих обществ денег, необходимых им на экспедиции, на печатание трудов и пр. Так, в письме от 1 июля 1927 г. Д.О. Святский сообщает: «В ЦБК и Главнауке сейчас переполох. Госплан снял все музеи на местах и научные об[щест]ва со снабжения, а Наркомпрос ликвидировал Музейный отдел Главнауки. Ольденбург и Марр послали телеграмму Петрову с просьбой освободить их от ответственной работы в ЦБК, так как они усматривают в этом полный разгром краеведческого дела⁷. <...> Кроме того, Акад[емия] наук, Акад[емия] матер[иальной] культ[уры] и ЦБК заявили коллективный протест Рыкову⁸. Выстрел дан из тяжелой артиллерии – ждем ответа».

Атмосфера в руководстве краеведением накалялась тем сильнее, чем ближе была 3-я Краеведческая конференция. В письме 16 октября 1927 г. Д.О. Святский пишет: «... в № 1 “Бюллетеня” мы пропустили в списке

⁵ С.Ф. Ольденбург, академик, председатель ЦБК; Н.Я. Марр, академик, зам. председателя ЦБК.

⁶ Н.А. Дорогутин, рязанский краевед, затем сотрудник Музея в Коломне, автор Справочника по музеям Московской области.

⁷ Ф.Н. Петров, советский партийный и государственный деятель, в 1923–1927 гг. начальник Главного управления научных и учебных заведений Наркомпроса.

⁸ А.И. Рыков А.И., председатель СНК (1924–1930).

сознательно доклад Пинкевича по школьному вопросу, потому что он не представил нам тезисов, и потому, что даже в самом М[осковском] О[тделении] доклад встретил сильные возражения⁹. Нужно заметить, что в тезисах, имеющих явно полемическую форму, Пинкевич говорит о каком-то новом еще “краеведении“, которое, желая угодить, очевидно, в сферах, называет “советским” краеведением и противопоставляет его “коллекционерскому” и “фольклористическому” краеведению. Теперь, после улажения конфликта и представления нам тезисов, мы все же не приняли его доклад в таком виде. Очевидно, конфликт не улажен. <...>

В общем, так все обстоит скверно, что я плохо смотрю на будущее ЦБК. Думаю, что в Москве будет большая баталия, и болтуны возьмут верх, и налаженное дело издательства наших журналов и всего аппарата по связи с местами будет разрушено и заменено. Неужели и на этот раз места дадут себя в обиду?

Н.Я. Марр сейчас за границей – в Париже, Ольденбург болен, Ферсман уехал¹⁰. Боюсь я, что на Конференции ни у кого из них может не оказаться, и мы тогда, будучи без всякой поддержки и поделившись на тысячу фракций, – погибнем. Я насчитал сейчас пять группировок у краеведов:

1. Сторонники гармонического краеведения и дела вместо слов – это ЦБК.
2. Сторонники приоритета в краеведении музейного дела – Дорогутин, музей ЦПО, Григоров.
3. Московское отделение (Пинкевич, Преображенский, Соколов, Здобнов) – противоречие, во что бы то ни стало, Ленинграду.
4. Группа москвичей – из Московск[ого] О[бществ]а краеведения, Феноменов, Гейнике – легкая критика ЦБК, но, в общем, возможна блокировка с нами.

⁹ Пинкевич Альберт Петрович, работник Высшего комитета просвещения.

¹⁰ Ферсман Александр Евгеньевич, зам. председателя ЦБК, академик.

5. Тимирязевский Институт – захват краеведения в свои руки и переделка его по типу а ля Лазарис¹¹. <...>

Провинция, конечно, поделится между этими группировками и очень невероятно, что г[оспо]да Азадовские пойдут за М.О. или музеем ЦПО.

Мне думается – нам нужен блок 1,2 и 4 групп».

А 6 ноября 1927 г. Д.О. Святский писал В.И. Смирнову, что надеется на Съезде в Переславле-Залесском обсудить со “старыми краеведами” предстоящую борьбу в декабре в Москве. Особенно беспокоило его, что «Главнаука настаивает на том, чтобы на Конференцию были приглашены все Губпланы с правом решающего голоса. Но это означает, что 3-я конференция не будет уже краеведческой, а губплановой с участием краеведов».

На самой конференции заседания Президиума решено было поочередно делать в Москве и Ленинграде через каждые две недели. Поездки Д.О. Святского в Москву превратились, по его выражению, в хождения в Золотую Орду. «...со времени Конференции, – пишет он 29 марта 1928 г., – я посещаю Орду уже в пятый раз и каждый раз прохожу испытания хождения через огонь и проч. Если бы мне предложили в викторине “Огонька” поместить вопрос, какая наиболее активная работа ведется Президиумом ЦБК в Москве, я бы не задумался дать на этот вопрос такой ответ: критика деятельности ленинградской группы ЦБК. Больше активности я не вижу». В другом письме (3 июня 1928) есть такие строки: «... в Московском ЦБК нет реальной работы, а только борьба между разными группировками, хотя Гейнике из кожи вон лезет, чтобы что-то сделать».

После Конференции началась кампания по сокращению штатов. И Д.О. Святский жалуется (письмо 3 января 1928), что местком и РККА хотят оставить во вред делу в ЦБК двух машинисток и уволить двух делопроизводителей. А дальше разыгрывается новая битва: «С Москвой веду

---

¹¹ Преображенский Павел Александрович, педагог, краевед; Здобнов Николай Васильевич, сибирский краевед, библиограф, член ЦБК. Неоднократно арестовывался, умер в 1942 г. в Краслаге; Феноменов Михаил Евгеньевич, историк, краевед; Гейнике Николай Александрович, историк, москвовед, педагог; Лазарис А., ученый секретарь Украинского комитета краеведения; Азадовский Марк Константинович, фольклорист и этнограф, член ЦБК.

борьбу за пишущую машинку, – пишет Д.О. Святский 6 февраля 1928 г., – которую хотят от нас отнять путем приказов Главнауки выдать нам 2-ю машинку от уполномоч[енного] Наркомпроса, а последний не дает. Разумеется, и мы не даем. А Гейнике – бедный строчит бумажки в рукописную». В наше время эта борьба может показаться анекдотичной, но, учитывая характер деятельности ЦБК, машинка являлась необходимым орудием производства.

В 1928 г. еще была надежда на сохранение прежней организации краеведения. Д.О. Святский писал о попытке заручиться в этом деле поддержкой Максима Горького. Так, 3 июня 1928 г. он пишет: «Гейнике использовал приезд Горького и организует 12 июня в Политехн[ическом] музее торжественное заседание ЦБК с широкой публикой, на котором 1) Смидович скажет речь «Краеведение и социалистическое строительство», 2) Ольденбург – «Краеведение и наука в СССР» и 3) Свободов из Нижн[его] Новг[орода] «Краеведческие мотивы в произведениях Горького»¹². Согласие быть Горького получено».

Продолжалось и противостояние ленинградского и московского отделений ЦБК. 23 марта 1929 г. Д.О. Святский пишет: «Вангенгейм затеял такую историю»¹³. Весь кредит на печатание, уже отпущенный нам, в сумме 3000 р. взял обратно в Москву “впредь до решения вопроса, кто будет печатать программы”. <...> Академики вообще и даже А.Е. Ф[ерсман] стоят за то, что, если мы методическая группа, то печатание наше дело. А Ванг[енгейм] выдвигает проект печатания их в Москве, а мы рассматриваемся лишь в роли служебной функции, как поставщики материала, который в Москве будут критиковать вкривь и вкось, переделывать и искажать. Затем выпускать думают не отдельными брошюрами, а приложением их к “Изв[естиям] краеведения”. Ясно, что, если согласиться на все это, это значит свести нашу ленинградскую работу на нет.

¹² Смидович Петр Гермогенович, советский партийный и гос. деятель, с 1927 г. председатель ЦБК; Свободов Александр Николаевич краевед, организатор горьковского музея в Нижнем Новгороде.

¹³ Вангенгейм Александр Феодосьевич, ученый-метеоролог, зам. председателя ЦБК.

5–10 апреля в Москве окончательное заседание президиума, на котором надеюсь с С.Ф. [Ольденбургом] отстаять нашу точку зрения».

Как следует из письма от 31 мая 1929 г., Главнаукой была намечена ликвидация ЦБК в Ленинграде. Д.О. Святский присутствовал «при длительном словесном бое А.Е. Ферсмана с А.Ф. Вангенгеймом» по этому вопросу. Но вопрос был уже решен. 22 ноября 1929 г. Д.О. Святский называет себя уже экс-секретарем ЦБК, сообщает о том, что с нового года «ликвидируется и журнал “Краеведение” (очевидно, по проискам А.Ф. В[ангенгейма] и вместо этого намечается издание там “Советского краеведения”, чем хотят, очевидно, провокационно показать, что мы-де занимались каким-то видом якобы несоветского краеведения. <...> Несомненно, нам сильно повредили и академические дела, через которые на ЦБК стали коситься еще больше, хотя мы-то тут уж полном смысле “в чужом пиру похмелье”»¹⁴. Он уже видит, что в ближайшее время ленинградское ЦБК будет ликвидировано, и находит только утешение в своей научной работе по климатологии и астрономии.

В январе 1930-го ему еще приходится без конца ездить по вызову на заседания президиума ЦБК в Москву. Он еще беспокоится о сохранении Этнологической станции Костромского научного общества, еще пытается бороться с отменой льготной бесплатной пересылки между местными научными организациями. А над ленинградским ЦБК тучи все сгущаются. 23 января 1930 г. Д.О. Святский пишет об Областной конференции краеведов в Ленинграде, «которая по настоянию Н.Ф. Преображенского, бывшего на ней, должна была вынести постановление о ликвидации Ленинградской группы ЦБК, но после его отъезда при принятии резолюции это пожелание превратилось в указание на желательность “реорганизации Лен[инградской] группы ЦБК в Центральный институт краеведения в Ленинграде”. <...>

¹⁴ В 1929–1931 гг. по указанию Политбюро ЦК ВКП (б) ОГПУ сфабриковало дело «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», по которому арестовали большую группу ученых-историков: академиком С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачева, М.К. Любавского и др. Святский, очевидно, имеет в виду, что ЦБК возглавляли также ученые-академики: С.Ф. Ольденбург, Н.Я. Марр, А.Е. Ферсман.

Наша ликвидация, по-видимому, твердо предрешена на мартовской конференции в Москве, о чем уже все открыто говорят».

И далее: «Погода у нас великолепная – небывалая аномалия: тепло, и Нева стоит открытой с летающими над ней чайками. Кажется, ничего подобного не было, по крайней мере, с 1696 г., судя по моим архивным изысканиям, которые идут успешно и дают мне единственное утешение. Против меня здесь тоже была кампания на Областном съезде, но пока я вышел из нее победоносно и даже, когда во вновь избранное Обл[астное] Бюро Краеведения (кстати сказать, состоящее из 45 чел[овек], в числе которых краеведов только 5 чел[овек], – была названа моя фамилия, один здешний подхалим из студентов <...> предложил отвести меня, Съезд большинством против двух вотировал мне доверие – голосами краеведов, беспартийных и партийных».

К этому времени его адресат, В.И. Смирнов, вынужден был уже покинуть любимую Кострому, расстаться с Музеем, Костромским научным обществом и Этнологической станцией, которым было отдано так много сил, переехать в Иваново и поступить на работу в Ивановский областной музей. И Д.О. Святский заканчивает письмо своему другу словами: «Не будем все же терять бодрости. Все же ведь у нас с тобою есть любимое дело, которое одушевляет нас в тяжелые минуты. Научные изыскания – это прелесть, доступная не всем смертным».

На этом переписка прерывается почти на 3 года. Д.О. Святского арестовали 27 марта 1930 г., а В.И. Смирнова – 15 сентября того же года. Каждый просидел около года в тюрьме в ожидании суда. Д.О. Святский был приговорен к лагерю и отправлен на строительство Беломорско-Балтийского канала, а В.И. Смирнов – к административной высылке на три года и попал сначала под Архангельск на ремонтные работы на железной дороге. Первое письмо Д.О. Святского после перерыва начинается словами: «Дорогой и милый друг Василий Иванович, наконец-то, здравствуй! Прежде всего,

большое тебе спасибо за то, что ты не забывал мою жену и меня¹⁵. Все твои сообщения, своевременно сообщаемые мне, всегда вызывали у меня волну истинно дружеской радости. <...> И так, как будто кошмар уже позади, даже не верится, что оставил душить меня. И вместе с тем какое-то странное чувство реакции – подавленности и апатии ко всему. Как-то, кажется, что не начать уже жить снова так полно и целесообразно, как жилось. Чувствуешь себя ошельмованным и выбитым из колеи жизни и никому не нужным пасынком жизни».

Он очень скупо рассказывает в письмах о том, как он жил на Беломорканале, но делится размышлениями о будущем. «Пока я вышел в чистую, но еще неизвестно, что скажет коллегия. Возлагаю надежды на свое ударничество, рацпредложения и проч., которые, быть может, зачтутся мне, а также хочется верить в грядущую октябрьскую амнистию. Если уж все же придется минусироваться¹⁶, то не выбрать ли Архангельск? Как ты думаешь? Будь добр, узнай, не будет ли нужен в тамошней обсерватории синоптик. В Карелии я по этой части успешно работал и был доволен своей ролью и службой. Но вернулся, чтобы продолжать свою работу по истории климата, которая шла ведь на всех парах. Не знаю, как удастся ее закончить. Много о ней я думал в течение этих двух с половиной лет и тщательно обдумал план ее завершения».

И в заключение письма: «Итак, краеведение – finita la Commedia. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Можно ли было думать, что так все кончится. Если бы мы были дальнорукими, пожалуй, и можно».

Сейчас, по прошествии более чем 80-ти лет, зададимся этим же вопросом. В 1920-х гг. существовала достаточно жесткая организация – ЦБК, – координировавшая работу тысяч местных краеведческих объединений. Конечно, вступление в ряды краеведов было, как и сейчас

---

¹⁵ Во время пребывания Д.О. Святского в лагере Смирнов переписывался с его женой Марией Федоровной Святской.

¹⁶ То есть получить определение местожительства, за исключением определенного ряда городов и областей («минуса»).

добровольным, но став членом краеведческого общества, человек должен был подчиняться ЦБК. Руководитель краеведческой низовой организации обязан был присылать в ЦБК официальные отчеты о работе, проводить исследования в соответствии с присылаемыми ЦБК программами, рассылать полученные из ЦБК анкеты членам своего объединения, а полученные ответы отсылать в ЦБК, участвовать в съездах и конференциях, приезжать в Ленинград по вызову ЦБК. Наконец, принимать представителей ЦБК, приезжавших с проверкой работы. Очень важно понимать, что ЦБК имело свою сеть по всей стране. (Термин «сеть» не раз встречается в письмах Д.О. Святского). Могла ли тоталитарная власть мириться с тем, что в стране существует еще какая-то сеть, кроме партийной?

По поводу работы краеведов стоит сказать еще следующее. В те времена, когда не существовало ни Левада-Центра, ни ВЦИОМа, краеведческие организации могли получать представление о настроениях населения по ответам на анкеты. Например, еще в 1916 г. в Костромской губернии была запущена анкета об отношении деревни к войне, в середине 1920-х – анкета «Хулиганство, его рост и вред, причиняемый им». Но ведь точно также краеведческие организации могли предложить, скажем, анкету об отношении деревни к коллективизации и получить правдивые ответы. Могла ли власть допустить такое? Ответ очевиден.

Нет, не стоило Д.О. Святскому удивляться и недоумевать по поводу гибели краеведения. Не стоило надеяться, как это следует из его писем 1930-х гг., на возрождение «старого краеведения» в том виде, каким оно было в «золотое десятилетие»¹⁷. А у него все же порой возникали проблески надежды на это. Так в письме от 27 января 1933 г. он, находившийся тогда в Ленинграде, писал: «Вообще, как будто в воздухе запахло чем-то новым. Здесь была краеведная обл[астная] конференция, на которую приглашались “старые” краеведы, причем им было сказано, что неоправдавшее себя Обл[астное] Бюро Краев[едения] предполагается ликвидировать и

¹⁷ Д.О. Святский использует термин «золотой век».

образовать краеведные организации старого типа, призвав к работе старых краеведов. Не знаю, что это такое – провокация или правда». Во всяком случае, сам Д.О. Святский решил тогда держаться «совершенно в стороне от местного краеведения».

Ярко рисует он наступившие, по его мнению, последствия разрушения «старого» краеведения в наиболее близкой для себя области – фенологии. 27 января 1933 г. он пишет: «После разгрома нашего Ленинградского центра Москва не сумела ничего сделать, и наша феносеть, доведенная до 1200 корреспондентов вся рассеялась, и в Москву корреспондируют только 120 чел[овек], а один Урал сумел объединить 800 корресп[ондентов], и ему бы надо это дело централизовать, а не Москве. Но в Свердловске мало средств, и они боятся браться за слишком широкую задачу, а пока что Вангенгейм в Москве создал бюрократическое детище – “Фенокомиссию при Центр[альной] Гидрометслужбе”, которая занимается пока лишь рассылкой циркуляров с обязательством дать ответ не позже такого-то числа. Ясно, что этим путем серьезного дела не сделать».

Позже, когда после убийства Кирова Д.О. Святского, как и тысячи ленинградцев, выслали в Казахстан, он снова пытался «влезть в краеведческий хомут». В Алма-Ате ему поручили создать Фенологическую комиссию в организуемом Обществе по изучению Казахстана и составить фенологическую программу. Он подробно излагает в письме 14 октября 1935 г. эту затею. «...ЦБК отвело очередной № “Советского краеведения” для заполнения его исключительно казахстанским материалом к юбилею Каз[ахской] республики, <...> и Правление будущего Общества ничего не нашло лучшего, как разослать лицам и учреждениям предложение циркулярного порядка: “Дать в 3-хдневный срок статью на тему по вашей специальности”. Получил я такого рода предложение и пошел к учен[ому] секретарю ругаться. Я, говорю, старый краевед, и очень рекомендую Вам циркулярно-бюрократические методы работы оставить, если хотите, чтобы краеведение ожило и стало работать. Выслушали, поблагодарили, и машинки

опять затрещали. Очень мрачно смотрю я на всю эту псевдокраеведческую шумиху и желание гальванизировать труп. Само собой, я не дал, да и не мог дать в 3-хднев[ный] срок статью по фенологии. Да и что давать? Ведь работа только начинается, и не раньше, чем через год лишь могут быть материалы. Таким образом, я избавился от необходимости поставить свою фамилию на страницах органа, который продолжает поливать нас грязью».

А 10 января 1936 г. он пишет: «Краеведение наше спит мертвецким сном, если не считать нескольких официозных заседаний. Печать местная пережевывая всякую жвачку, упорно молчит о жизни местного края, и, получив даже за это нахлобучку, все еще топчется на месте». Он продолжает посещать время от времени местное краеведческое общество, хотя и видит, что «здешнее краеведение насквозь пронизано духом бюрократизма и канцелярщины, и по существу никакого духа общественности в нем нет» (Письмо от 12 февраля 1936). То же, по мнению Д.О. Святского, наблюдалось во всей стране: «Вообще я полагаю, – писал он, – сейчас все краеведение в СССР переживает сумерки средневековья, повторяя зады и все пройденные этапы, пережевывая и перемалывая прошлое».

Стоит сказать несколько слов и о тех краеведах, которые так ратовали за «советское краеведение» и ожесточенно боролись со «старым краеведением». Вероятно, некоторые из них были искренне уверены в своей правоте и считали, что именно они знают, как надо работать, какие направления развивать. И чем больше было уверенности, тем больше ожесточения в борьбе. Возможно, были и те, кто стремился сделать карьеру. И, конечно, те, кто, пытаясь угадать ход событий, старался «соответствовать моменту», не допуская мысли о сопротивлении требованиям власти.

Что же получилось? Большинство старых краеведов, арестованных в годы Великого перелома, во времена, по выражению Анны Ахматовой, сравнительно вегетарианские, уцелели, выдержали тюрьму, лагерь, ссылку. Постепенно они разыскивали друг друга. Д.О. Святскому, несмотря на все преследования и трудности, все-таки удавалось в какой-то степени

заниматься научной работой и даже иногда печататься. Не перестал заниматься уже на Севере археологией и этнографией и его адресат – В.И. Смирнов. Потребность в научных изысканиях не утратили и многие другие краеведы. Но их работа в 1930-е гг. была уже индивидуальной – объединяющего центра не стало.

В письме 28 августа 1939 г. Д.О. Святский снова обращается к больной теме: «Много раз я думал над крахом краеведения и мироведения и задавал себе вопросы – неужели же они никогда не воскреснут в том виде, как мы их понимали, а выродятся в чинушничество и втирание очков, какими они сейчас являются? Это больной для меня вопрос, мучительный и жесткий. А хотелось бы дожить и видеть воскресенье!».

Не дожил. Скоропостижно скончался 29 января 1940 г. В следующем году та же участь постигла В.И. Смирнова.

А что же случилось с некоторыми из их противников? А.Ф. Вангенгейма, которого Святский называет «злым гением краеведения, мироведения и фенологии», арестовали в 1934 г. Д.О. Святский в письме 10 февраля 1934 г. вспоминает по этому поводу народную мудрость: «не рой другому яму». Высказывание шокирующее. Потому стоит, наверное, подробнее сказать об этом человеке.

Алексей Феодосьевич Вангенгейм (1881–1937) – дворянин, потомок выходцев то ли из Голландии, то ли из Германии. В 1918–1922 гг. много занимался просветительской и агитационной деятельностью среди крестьян Курской губернии, настаивая на непримиримой борьбе с религией. В 1920-х гг. метеорология становится главным делом его жизни. Он живет и работает сначала в Петрограде, а с 1926 г., в Москве – заместителем начальника по научным учреждениям Главнауки Наркомпроса, преподает в МГУ, вступает в партию. И делает стремительную карьеру: в 1929 г. он уже председатель созданного им Гидрометеорологического комитета СССР. Вскоре он становится также заместителем председателя ЦБК, ответственным редактором журналов «Известия ЦБК» и «Советское краеведение».

Составители выпущенной обществом «Мемориал» книги «Папины письма» считают, что поводом для ареста А.Ф. Вангенгейма послужила защита им старых «буржуазных» краеведов. Но этому противоречит не только приведенное выше высказывание Д.О. Святского, но и то обстоятельство, что к моменту его ареста у большинства старых краеведов уже кончился срок высылки или лагеря. А Вангенгейм попал на Соловки. Его письма именитым знакомым остались без ответа. Он работал в библиотеке лагеря, создавал портреты Сталина, Дзержинского и пр., оформлял выставку к XV Съезду партии. И еще из камней и растений выкладывал клумбы с красной звездой, гербом Советского Союза и лозунгами типа «Труд – дело чести». Стал ударником. Но и это не спасло. В 1937 г. по постановлению Особой тройки УНКВД его расстреляли¹⁸.

В том же 1937 году были расстреляны еще двое из тех, кто так активно боролся со «старым» краеведением: А.П. Пинкевич и Н.А. Дорогутин.

---

¹⁸ Папины письма. Письма отцов из ГУЛАГа к детям. /Сост. А. Козлова, Н. Михайлов, И. Островская, С. Фадеева. М. 2014. С. 29–44.